

DOI: 10.31857/S013038640021151-4

© 2022 г. М.А. ПЕТРОВА

ПРИЗНАНИЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ТИТУЛА РОССИЙСКИХ ГОСУДАРЕЙ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИЕЙ: ПРОБЛЕМА И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ (первая половина 1740-х годов)

Петрова Мария Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: maria.petrova@bk.ru

Scopus Author ID: 57211014068; Researcher ID: V-2400-2019; РИНЦ ID: 3378-9989

Аннотация. В статье, основанной на неопубликованных документах Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), впервые в историографии рассматриваются различные возможности признания императорского титула Иоанна VI Антоновича и Елизаветы Петровны со стороны императора и штатов Священной Римской империи германской нации в первые годы Войны за австрийское наследство 1740–1748 гг. Признание титула, принятого Петром I в 1721 г., означало признание равенства российских государей, прежде всего на уровне церемониала, не только с коронованными особами, но и с главой Священной Римской империи, считавшимся первым среди равных в иерархии суверенных правителей Европы. После смерти в 1740 г. императора Карла VI, отказывавшего российским государям даже в обращении «Величество», неофициальное обсуждение этого вопроса началось среди курфюрстов и их дипломатических представителей, собравшихся в конце 1741 г. во Франкфурте-на-Майне для выборов нового императора. Но дело застопорилось из-за того, что ни правительство Анны Леопольдовны, ни позднее Елизавета Петровна не могли себе позволить выступать в роли просителей перед формально еще зависимыми от императора курфюрстами. После избрания в феврале 1742 г. баварского курфюрста Карла Альбрехта императором под именем Карла VII российский двор сделал ставку на прямые переговоры с ним, которые продолжались около двух лет. В статье детально восстанавливается ход переговоров, анализируются аргументы сторон и уступки, на которые они готовы или не готовы были пойти. Рассчитывая на помощь Елизаветы Петровны в войне против Австрии, император согласился на компромиссный вариант: он предоставил российской государыне желанный титул от своего имени, пообещав в дальнейшем убедить все штаты Священной Римской империи последовать его примеру. В обмен Елизавета Петровна специальной декларацией (реверсалом) подтвердила Карлу VII, что признание титула не повлечет за собой никаких изменений в церемониальном общении монархов и их дипломатических представителей.

Ключевые слова: Российская империя, Священная Римская империя, титулатура, дипломатические отношения, церемониал, Елизавета Петровна, Карл VII, Коллегия курфюрстов, И.М. фон Нейгауз, Война за австрийское наследство.

М.А. Petrova

The Recognition of the Imperial Title of Russian Sovereigns by the Holy Roman Empire: The Problem and Its Solutions (first half of the 1740s)

Maria Petrova, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Russia).

E-mail: maria.petrova@bk.ru

Scopus Author ID: 57211014068; Researcher ID: V-2400-2019; РИНЦ ID: 3378-9989

Abstract. Drawing upon unpublished documents from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, the author, for the first time in historical scholarship, examines various scenarios of recognition of the imperial titles of Ivan VI Antonovich and Elizaveta Petrovna by the Emperor and Estates of the Holy Roman Empire in the early years of the War of the Austrian Succession (1740–1748). The recognition of the title, adopted by Peter the Great in 1721, signalled recognition of the equality of Russian sovereigns, particularly at the ceremonial level, not only with the heads of ruling houses, but also with the Holy Roman Emperor, who was considered first among equals in the hierarchy of sovereign rulers of Europe. After the death in 1740 of Emperor Charles VI, who had refused even to call Russian sovereigns “Majesty”, an informal discussion of the matter began among the Electors and their diplomatic representatives, who assembled at Frankfurt am Main in late 1741 to elect a new Emperor. However, the matter came to a standstill as neither the government of Anna Leopoldovna nor, later, Elizaveta Petrovna could afford to plead their case before the Electors, still formally dependent on the Emperor. Following the election of Charles Albrecht, Elector of Bavaria, as Emperor in February 1742 under the name of Charles VII, the Russian court staked on direct negotiations with him, which lasted about two years. The author reconstructs in detail the course of the negotiations, analyses the arguments of the parties and the concessions they were or were not prepared to make. The Emperor, counting on Elizaveta Petrovna’s assistance in the war against Austria, agreed to a compromise: he granted the Russian sovereign the coveted title in his own name, promising to further persuade all the Estates of the Holy Roman Empire to emulate his example. In return, Elisabeth confirmed to Charles VII with a special declaration that the recognition of the title would not entail any changes in the ceremonial interaction between the monarchs and their diplomatic representatives.

Keywords: Russian Empire, Holy Roman Empire, titles, diplomatic relations, ceremonial, Elisabeth Petrovna, Charles VII, College of Electors, Joseph Maria von Neuhaus, War of the Austrian Succession.

Иерархия светских правителей Европы начала формироваться еще в раннее Средневековье. Один из первых сохранившихся ее вариантов был зафиксирован в дневнике церемониймейстера папской капеллы Париса де Грассиса под названием «Порядок христианских королей» (*Ordo Regum Christianorum*) и «Порядок герцогов» (*Ordo Ducum*). Он был составлен в 1504 г. в связи с приемом папой Юлием II посольства английского короля Генриха VII. Первым светским правителем Европы в этом списке был указан император Священной Римской империи, за ним следовал римский король – избранный курфюрстами¹, но еще не коронованный папой глава империи, далее – короли Франции, Испании (Кастилии), Арагона, Португалии, Англии, Сицилии, Шотландии, Наварры, Кипра, Богемии, Польши и Дании. Критерием очередности монархов в списке была древность королевского титула, исходя из имевшихся в то время исторических представлений, однако в самом тексте имелись оговорки, что едва ли не каждый король оспаривает первенство стоявшего рядом². После заключения в 1648 г. Вестфальского мирного договора, завершившего Тридцатилетнюю войну, в Европе на протяжении столетия постепенно утверждалась идея равенства суверенных государей (прежде всего коронованных особ) – в том числе благодаря введению системы постоянных дипломатических представителей и упорядочиванию системы дипломатических рангов³. При этом император Священной Римской империи вплоть до ее распада в 1804 г. сохранял за собой статус первого среди равных.

До начала XVIII в. российские государи находились вне вышеуказанной иерархии, хотя их суверенитет, выражавшийся в том числе в праве направлять к иностранным

¹ Курфюрсты – дословно «князья-выборщики». Согласно Золотой булле императора Карла IV от 1356 г., статус курфюрста получили семь имперских князей: архиепископы Майнца, Трира и Кёльна, король Богемии, пфальцграф Рейнский, герцог Саксонии, маркграф Бранденбурга. К 1692 г. в число курфюрстов также вошли герцоги Баварии и Брауншвейг-Люнебурга.

² Публикацию списка по рукописи, хранящейся в Британском музее, см.: *Satow E. A Guide to Diplomatic Practice*. London, 1922. P. 22–23.

³ *Croxton D. Westphalia: the Last Christian Peace*. New York, 2013. P. 127–155.

дворам послов (дипломатов первого ранга), был повсеместно признан в Европе. Только с введением Петром I института постоянных дипломатических представителей и началом их регулярного общения с иностранными коллегами на основе установленного церемониала Россия встроилась в общеевропейскую систему государств. Провозглашение России империей в 1721 г. внесло разлад в эту систему, не предполагавшую наличия двух императоров, а признание нового титула на международной арене стало едва ли не главным объектом внешнеполитических устремлений ее государей — от Петра I до Екатерины II. Признание титула означало признание равенства, прежде всего на уровне церемониала, не только с коронованными особами Европы, но и с главой Священной Римской империи.

В первой половине 1720-х годов новый статус российских государей подтвердили Пруссия, Республика Соединенных провинций, Швеция и Дания. Избранный в 1711 г. император Священной Римской империи Карл VI Габсбург последовательно отказывал Петру I, Екатерине I, Петру II и Анне Иоанновне даже в обращении «Величество» (лат. *Majestas*), ограничиваясь в соответствии с прежней традицией обращением «Светлость» (*Serenitas*)⁴. Кончина Карла VI 9 (20) октября 1740 г. стала переломным моментом в решении этой крайне чувствительной для петербургского двора проблемы. В обозримом будущем во Франкфурте-на-Майне должны были состояться выборы нового императора, который мог бы изменить сложившийся порядок отношений между Россией и Священной Римской империей.

Рассматриваемая нами проблема выпала из поля зрения исследователей, хотя позиция России в системе европейских союзов накануне и во время Войны за австрийское наследство 1740–1748 гг. подробно изучена в историографии⁵. Указанный пробел восстанавливается на основе неопубликованной переписки Коллегии иностранных дел, хранящейся в Архиве внешней политики Российской империи.

Известие о смерти Карла VI еще не достигло Петербурга, когда 17 (28) октября 1740 г. умерла российская самодержица Анна Иоанновна. Престол перешел к ее внучатому племяннику четырехмесячному Иоанну VI Антоновичу (в XVIII в. его именовали Иваном III) при регентстве герцога Курляндского Э.И. Бирона. Еще не зная о смерти Анны Иоанновны, к ней и к кабинет-министру вице-канцлеру Андрею Ивановичу Остерману, отвечавшему за внешнюю политику России, обратился статский советник Фридрих Филипп фон Атценгейм (*Atzenheim*), резидент во Франкфурте-на-Майне курфюрста Брауншвейг-Люнебургского (чаще именуемого Ганноверским по названию столицы курфюршества) и короля Великобритании Георга II⁶, и предложил за годовое вознаграждение снабжать российский двор новостями о будущих выборах императора и других германских делах. Местонахождение письма Атценгейма Остерману неизвестно, а из письма резидента Анне Иоанновне от 12 ноября 1740 г.⁷ непонятно, действовал ли он по собственной инициативе или получил соответствующие инструкции от своего государя Георга II. Атценгейм упомянул лишь о добром согласии, существующем между его государем и российской импера-

⁴ См., например, грамоту Карла VI императрице Анне Иоанновне от 12 апреля 1739 г. о наделении полномочного министра в Петербурге маркиза А. Ботты Адорно посольского характером на время бракосочетания Анны Леопольдовны и Антона Ульриха Брауншвейгского // АВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 2. Д. 104. Л. 3–3 об. Благодарю О.В. Хаванову за предоставленный документ. О политике Карла VI в отношении России см.: *Steppan Ch. Akteure am fremden Hof: Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandte im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730)*. Göttingen, 2016. S. 287–354.

⁵ См. прежде всего: *Лиштенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу: императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740–1750. М., 2000; *Нелипович С.Г.* Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010; *Анисимов М.Ю.* Россия в системе великих держав в царствование Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.). М., 2020.

⁶ Личная уния между курфюршеством Брауншвейг-Люнебург (Ганновер) и Великобританией продлилась с 1714 по 1837 г.

⁷ Европейские документы датированы новым стилем, российские — старым. Иногда в делопроизводстве Коллегии иностранных дел использовались двойные даты.

трицей⁸, вероятно, имея в виду российско-британский торговый договор, заключенный в 1734 г. В ответе ганноверскому резиденту от 3 февраля 1741 г. Остерман не стал задавать уточняющие вопросы, ограничившись благодарностью за сделанное предложение, которое было благосклонно принято российским двором⁹.

К этому времени Бирон был отправлен в ссылку, а регентшей при малолетнем Иоанне VI стала его мать — урожденная принцесса Мекленбургская, в замужестве герцогиня Брауншвейгская Анна Леопольдовна. В европейских делах тоже произошли перемены. 5 (16) декабря 1740 г. с нападением Пруссии на австрийскую Силезию началась Война за австрийское наследство. Поводом к ней послужил отказ Франции, Пруссии, Баварии, Саксонии, Испании и Сардинии признать право дочери покойного Карла VI эрцгерцогини Марии Терезии на владения Австрийского дома, зафиксированное в Прагматической санкции 1713 г. Этот документ, устанавливавший принцип престолонаследия по женской линии, если у императора не будет наследников мужского пола, при его жизни был официально признан всеми европейскими державами и имперскими штатами¹⁰, кроме Баварии. Весной—летом 1741 г. в войну вступили Франция, курфюршества Бавария, Саксония и Пфальц, в результате чего курфюрст Баварский Карл Альбрехт, который был женат на племяннице Карла VI и дочери его старшего брата императора Иосифа I — эрцгерцогине Марии Амалии, провозгласил себя эрцгерцогом Австрии, а после завоевания Праги в ноябре 1741 г. — королем Богемии, хотя далеко не все представители чешских и богемских сословий принесли ему присягу, а коронация так и не состоялась. Претендовавший на императорский престол Карл Альбрехт теперь имел на выборах два голоса — от Баварии и Богемии. Марию Терезию поддержали только Великобритания и Республика Соединенных провинций.

Нуждаясь в новостях из Германии, правительство Анны Леопольдовны решило вновь учредить самостоятельный дипломатический пост в Нижнесаксонском округе Священной Римской империи с местом пребывания в Гамбурге, ранее совмещенный с постом в Дании. Новому резиденту в Гамбурге Иоганну Дитриху Гейнсону предписывалось следить за ходом дел в Германии и незамедлительно информировать о них российский двор¹¹. Ему также было поручено вступить в переписку с ганноверским резидентом во Франкфурте Атценгеймом и пересылать его сообщения в Петербург. Сразу по приезде в Гамбург в марте 1741 г. Гейнсон попросил Атценгейма доверительно писать ему обо всех заслуживающих внимания происшествиях, «а особливо о важном деле цесарского избрания, которого окончания вся Европа ныне с нетерпеливостью ожидает, и какие меры от государственных чинов и соседственных держав к последствованию или препятствованию оного принимаются»¹². Атценгейм предпочел общаться с Петербургом напрямую, посылая свои донесения два-три раза в неделю, но дублируя их через Гейнсона¹³.

Обеспокоенность правительства Анны Леопольдовны положением дел в Германии объяснялась тем, что в конце 1740 г. Россия неожиданно стала союзницей двух воюющих держав. Почти одновременно с нападением Пруссии на Австрию в Петербурге завершились долгие переговоры о подготовке российско-прусского оборонительного договора, начавшиеся еще в правление Анны Иоанновны. Договор был подписан 16 (27) декабря 1740 г. В тот же день к прусскому королю Фридриху II от имени императора Иоанна VI

⁸ Копия письма Анне Иоанновне на немецком языке от 12 ноября 1740 г. и его перевод, сделанный в Коллегии иностранных дел // АВПРИ. Ф. 83. Сношения России с Имперским собранием. Оп. 1. 1741—1742. Д. 1. Ч. 1. Л. 29—30 об., 32—33 об.

⁹ Копия письма Остермана на немецком языке и его перевод // Там же. Л. 3—3 об., 10—10 об.

¹⁰ В русской традиции также имперские чины или имперские сословия.

¹¹ Инструкция И.Д. Гейнсону от 31 января 1741 г., отправленная от имени Иоанна VI за подписью графа Б.Х. Миниха, графа А.И. Остермана, канцлера А.М. Черкасского и вице-канцлера М.Г. Головкина // АВПРИ. Ф. 44. Сношения России с Гамбургом. Оп. 1. 1741. Д. 3. Л. 3 об.—4.

¹² Перевод письма Гейнсона от 30 марта 1741 г. // Там же. Ф. 83. Оп. 1. 1741—1742. Д. 1. Ч. 1. Л. 13 об.

¹³ Рескрипт Гейнсону от 5 мая 1741 г. // Там же. Ф. 44. Оп. 1. 1741. Д. 3. Л. 17.

было направлено письмо, в котором сообщалось, «что русское правительство с удивлением и прискорбием узнало о вторжении прусских войск в Силезию» и о нарушении обязательств по соблюдению Прагматической санкции¹⁴. С 1726 г. Россия находилась в союзе с Австрией, а договор с Пруссией в Петербурге рассчитывали использовать против Швеции, которая с 1738 г. готовилась к новой войне против России с целью пересмотра итогов Ништадтского мира 1721 г. В сложившейся ситуации Анна Леопольдовна решила не ратифицировать договор с Фридрихом II, но и вступать в войну на стороне Марии Терезии не спешила, тем более что 28 июля (8 августа) 1741 г. Швеция при поддержке Франции все-таки объявила войну России.

* * *

15 (26) декабря 1741 г. встревоженный Атценгейм сообщил Гейнсону о распространяющихся слухах, что в Петербурге произошли перемены в пользу «принцессы Елизаветы» (цесаревны Елизаветы Петровны) и что российский посланник в Дрездене Герман Карл фон Кейзерлинг уже вручил саксонскому курфюрсту и польскому королю Фридриху Августу II новую верительную грамоту¹⁵. В тот же день Атценгейм написал Остерману, но ни словом не обмолвился о слухах о перевороте, сообщив лишь, что Коллегия курфюрстов наконец собралась на выборы императора и что избирательные посланники¹⁶ Фридриха II как курфюрста Бранденбургского заявили другим имперским дипломатам о готовности способствовать «признанию императорского титула России» (*Anerkenn- und Beylegung des Kayserlichen Tituls von Rußland*)¹⁷. К письму было приложено сообщение из Франкфурта, в котором Атценгейм неожиданно предложил пути решения важнейшей для российского двора проблемы. Ганноверский резидент полагал, что бранденбургские избирательные посланники в силу якобы тесной дружбы между Берлином и Петербургом могли бы поднять в Коллегии курфюрстов вопрос о признании титула, но, чтобы избежать возражений других имперских штатов, требовалось некое официальное обоснование, каковым должна была стать грамота от императора Всероссийского или промемория, составленная по его поручению с изложением сути дела. Атценгейм призывал как можно скорее выбрать один из возможных вариантов, поскольку выборы были назначены на 13 (24) января 1742 г., а в середине февраля члены коллегии должны были разъехаться. Ганноверский резидент полагал, что курфюрсты не будут чинить препятствия к признанию титула, и готов был сам подготовить промеморию, если ему пришлют из Петербурга соответствующие инструкции¹⁸. Упоминание в обоих документах о Фридрихе II явно свидетельствовало о том, что, узнав о перевороте, осуществленном Елизаветой Петровной 25 ноября (6 декабря) 1741 г., он стремился оказать ей услугу, добившись, таким образом, ратификации российско-прусского договора 1740 г. или по крайней мере удержав Россию от вступления в войну на стороне Австрии¹⁹.

¹⁴ Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. V. Трактаты с Германиею. 1656–1762. СПб., 1880. С. 332.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 45. Гамбургская миссия. Оп. 1. 1741–1743. Д. 19а. Л. 159–159 об., 162–162 об.

¹⁶ В выборах принимали участие или сами курфюрсты, или чаще их представители – так называемые избирательные посланники (*Wahlgesandte*).

¹⁷ АВПРИ. Ф. 45. Оп. 1. 1741–1743. Д. 19а. Л. 160.

¹⁸ См. «экстракт» ведомостей и их перевод // Там же. Ф. 83. Оп. 1. 1741–1742. Д. 1. Ч. 1. Л. 5–5 об., 14–15.

¹⁹ 12 (23) декабря 1741 г. Фридрих II написал посланнику в Петербурге барону Акселю фон Мардефельду: «Мне искренне жаль печальной участи, которая, судя по всему, уготована герцогу Антону Ульриху (супругу Анны Леопольдовны. – М.П.) и его брату принцу Людвигу; кровные и дружеские узы, связывающие меня с герцогским Брауншвейгским домом, не позволяют мне быть равнодушным к тому, что с ними происходит. Однако я не думаю, что эта перемена может быть вредна для моих интересов: кем бы ни были ее инициаторы, вряд ли они думают ввязаться в войну против меня» // *Politische Correspondenz Friedrichs des Großen*. Bd. 1–2. Berlin, 1879. Bd. 1. S. 438–439.

Удостоверившись, что в России действительно установилось новое правление, Атценгейм повторно написал в Петербург – теперь уже канцлеру Алексею Михайловичу Черкасскому, назначенному Анной Леопольдовной и сохранившему свой пост при Елизавете Петровне, а затем напрямую новой императрице²⁰, и предложил, как прежде, присылать в Петербург новости из Германии. Ссылаясь на свое последнее письмо Остерману, ганноверский резидент напоминал Черкасскому о вероятном избрании на престол Священной Римской империи баварского курфюрста Карла Альбрехта и настоятельно советовал не тянуть с отправкой в Коллегию курфюрстов грамоты по поводу признания российского императорского титула или распорядиться о составлении соответствующей промемории, в чем он был готов оказать содействие²¹.

Черкасский от имени императрицы подтвердил заинтересованность российского двора в получении новостей из Германии и обещал со следующей почтой ответить и на вопрос о признании титула²². Обрадованный Атценгейм, извиняясь перед канцлером, что не владеет русским языком, просил разрешения и впредь писать к нему по-немецки, а также прояснить вопрос с выплатой вознаграждения и почтовых расходов за этот и прошлый год. Резидент вновь заверил Черкасского, что после получения из Петербурга инструкций будет хлопотать о признании российского императорского титула, ведь после завершившихся выборов, в результате которых император впервые с 1452 г. стал представителем не династии Габсбургов, а баварского рода Виттельсбахов под именем Карла VII, во Франкфурте ожидали открытия Постоянного рейхстага – собрания всех штатов Священной Римской империи или их представителей²³. С 1683 г. рейхстаг заседал в Регенсбурге, расположенном на территории Баварии, где в начале 1742 г. развернулись военные действия. Через два дня после коронации австрийцы взяли Мюнхен, началось наступление на Ингольштат. Для подкрепления армии императора Карла VII Франция выделила 40 батальонов общей численностью 20 тыс. человек, но их марш через Рейн обещал быть трудным, во-первых, из-за плохой погоды, а во-вторых, из-за катастрофической нехватки продовольствия, которое австрийцы уже практически вывезли из Баварии, бросив ее жителей на произвол судьбы²⁴. Поэтому было решено проводить заседания рейхстага во Франкфурте, ставшем почти на три года императорской резиденцией.

Наступил март 1742 г., но инструкции, обещанные Черкасским в письме от 23 января, из Петербурга не пришли, так что Атценгейму пришлось вновь их запрашивать²⁵. На это письмо ответа также не последовало. Более того, в дневнике докладов российского внешнеполитического ведомства – Коллегии иностранных дел, заслушанных Елизаветой Петровной в первые три месяца 1742 г., отсутствуют сведения о том, что она вообще обсуждала с советниками предложения ганноверского резидента, хотя новости о германских делах, присылаемые им время от времени, в этом документе фиксировались²⁶.

В Петербурге предпочитали общаться с Атценгеймом не напрямую. Так, на его прошение поступить на российскую службу и стать официальным представителем императрицы во Франкфурте-на-Майне, не оставляя при этом британскую службу²⁷, отказ пришел через российского резидента в Гамбурге Гейнсона. Елизавета Петровна сочла невозможным,

²⁰ Письмо Атценгейма от 12 января 1742 г. и его перевод // АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1741–1742. Д. 1. Ч. 1. Л. 16–17 об., 18–19.

²¹ Письмо Атценгейма от 5 января 1742 г. и его перевод // Там же. Л. 1–2 об., 7–9 об.

²² Копия письма Черкасского Атценгейму на немецком языке 23 января 1742 г. // Там же. Ф. 45. Оп. 1. 1741–1743. Д. 19а. Л. 198.

²³ Письмо Атценгейма от 24 февраля 1742 г. и его перевод // Там же. Ф. 83. Оп. 1. 1741–1742. Д. 1. Ч. 1. Л. 34–34 об., 38–39.

²⁴ Ведомости из Франкфурта от 24 февраля 1742 г. с переводом // Там же. Л. 36–37, 40–43.

²⁵ Письмо Атценгейма Черкасскому от 16 марта 1742 г. // Там же. Л. 79–79 об.

²⁶ Дневная записка Коллегии иностранных дел за 1742 г. (генварь, февраль, март месяцы) // Архив князя Воронцова. Т. 1. М., 1870. С. 126, 145, 277, 310, 326.

²⁷ Письмо Атценгейма от 2 марта 1742 г. и его перевод // АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1741–1742. Д. 1. Ч. 1. Л. 48–48 об., 49–50.

чтобы ее интересы представлял дипломат, состоявший на службе у другого, пусть даже дружественного на тот момент, двора, тем более что мнением британского короля насчет возможной двойной аккредитации его резидента она не располагала. Признавая необходимость регулярно получать сведения из Германии, императрица поручила Гейнсону «без излишнего на то иждивения» найти «к такой иногда потребной корреспонденции способную какую в Франкфурте персону или иную какую по вашему рассмотрению надежную в том дорогу». При этом Елизавета Петровна не хотела терять канал Атценгейма и просила выяснить, согласится ли он продолжать свою деятельность на прежнем основании и за какое вознаграждение²⁸. Ганноверский резидент заверил императрицу через Гейнсона, что готов заниматься порученными ему делами и без официальной аккредитации, а за свои услуги просил 500 рублей в год, т.е. 750 руб. с начала 1741 г., а также уплаты почтовых расходов. Как выяснилось, предприимчивый Атценгейм работал еще на два германских двора и получал от ландграфа Гессен-Дармштадтского 1200 гульденов, что было сопоставимо с выставленной российской императрице суммой²⁹.

В июле 1742 г. Елизавета Петровна согласилась выплатить Атценгейму 750 руб. и возместить почтовые расходы, но попросила предварительно прислать подробный счет. Гейнсон должен был «пристойно уведомить» ганноверского резидента, чтобы он «далее не трудился» вести корреспонденцию с российским двором, поскольку выборы «римского цесаря» уже состоялись, а в получении важных сведений из Германии императрица рассчитывала на своего резидента в Гамбурге³⁰. Заслуженное вознаграждение Атценгейм получил только весной 1745 г. В письме канцлеру Алексею Петровичу Бестужеву-Рюмину от 9 апреля 1745 г. он сообщил, что дважды пересылал в Петербург счет почтовым издержкам, но ответа не получил³¹. Были ли они выплачены, неизвестно, поскольку корреспонденция с Бестужевым на этом прерывается.

Так почему же предложение Атценгейма о способах признания российского императорского титула было встречено молчанием? Ответ, на наш взгляд, лежит на поверхности. Для суверенного монарха, каким была Елизавета Петровна, дочь первого российского императора, императрица и самодержица Всероссийская, было немислимо поставить себя в подчиненное положение перед курфюрстами, которые спустя 100 лет после Вестфальского мира 1648 г. все еще продолжали отстаивать свой суверенитет и независимость от императорской власти. Вариант с подачей промемории, видимо, также не рассматривался российским двором. В делопроизводстве Коллегии курфюрстов и рейхстага была предусмотрена подача промеморий представителями имперских штатов, чтобы каждый из них мог инициировать обсуждение какого-либо дела. Но российский двор едва ли был заинтересован в подобном обсуждении, тем более что составление промемории от имени ганноверского резидента требовало согласования с его государем — британским королем. Внутренние документы Коллегии иностранных дел свидетельствуют, что в Петербурге в это время рассчитывали на помощь польско-саксонского и прусского дворов, давно признавших императорский титул российских государей, а о Великобритании, чья позиция по этому вопросу неоднократно менялась с 1721 г., речь вовсе не шла.

Из более поздней дипломатической корреспонденции мы узнаем, что еще 18 февраля (1 марта) 1741 г. саксонский курфюрст и польский король Фридрих Август II дал указания своему представителю во Франкфурте графу Иоганну Фридриху фон Шёнбергу (Schönberg) хлопотать на предстоящих выборах о признании императорского титула Иоанна VI

²⁸ Рескрипт Гейнсону от 5 апреля 1742 г. // Там же. Ф. 44. Оп. 1. 1742. Д. 4. Л. 42–44 об.

²⁹ Письмо Атценгейма Гейнсону от 18 мая 1742 г. // Там же. Ф. 45. Оп. 1. 1741–1743. Д. 19а. Л. 258–259; Выписка из реляции Гейнсона от 28 мая (8 июня) 1742 г. // Там же. Ф. 44. Оп. 1. 1742. Д. 4. Л. 92–93.

³⁰ Рескрипт Гейнсону от 15 июля 1742 г. // Там же. Ф. 44. Оп. 1. 1742. Д. 4. Л. 95–97.

³¹ Там же. Ф. 83. Оп. 1. 1741–1742. Д. 1. Ч. 2. Л. 24–25 (несмотря на указанные в описи годы, в деле хранятся и более поздние документы).

Антоновича³². 9 (20) января 1742 г. уже Елизавета Петровна предписала российскому посланнику в Дрездене Г.К. фон Кейзерлингу, чтобы он «чинил домогательства, дабы дружеским старанием тамошняго двора признан был российский императорский титул при тогдашнем во Франкфурте имперском собрании». Первый министр курфюрста граф Генрих фон Брюль (Brühl) заверил Кейзерлинга, что саксонским избирательным посланникам уже даны соответствующие инструкции³³. Однако их усилия, как и усилия упоминавшихся Атценгеймом бранденбургских избирательных посланников, якобы успеха не имели. Фридриху II и Фридриху Августу II ничего не оставалось, кроме как пообещать Елизавете Петровне, что их представители при дворах других курфюрстов будут и дальше прилагать старания в этом направлении³⁴.

Нам не известно, обсуждали ли избирательные посланники курфюрстов, даже частным порядком, проблему признания российского императорского титула. Существенным препятствием на пути такого обсуждения могла стать позиция нового императора Карла VII. 2 (13) февраля 1742 г., через два дня после коронации, он подписал известительную грамоту на имя Елизаветы Петровны о своем восшествии на престол. Она была приложена к письму конференц-министра императора графа Игнаца Феликса фон Тёрринга-Йеттенбаха (Törting-Jettenbach), составленному по-французски на имя канцлера А.М. Черкасского. Но если Тёрринг именовал Елизавету Петровну императрицей, то его государь Карл VII отказал ей не только в титуле, но даже в обращении «Величество», применявшемся к коронованным особам, ограничившись обращением «Ваша Светлость», или на языке XVIII в. «Ваша Пресветлость» (Serenitas Vestra). В качестве адресата грамоты было указано: «Serenissimae e potentissimae Principi, Dominae Elisabethae, Totius Magnae, Parvae, Albaeque Russiae pp., Czarae & Autocratrici, Amicae et Sorori Nostrae Charissimae», в переводе Коллегии иностранных дел: «Пресветлейшей Державнейшей Государыне Царице и Великой Княгине Елисавете всея великия малыя и белыя России Самодержице и протч, приятелнице и сестре нашей любезнейшей»³⁵.

Ознакомившись с текстом грамоты по ее копии, Елизавета Петровна приказала вернуть оригинал, не распечатав, что и сделал канцлер Черкасский. Его крайне любезное сопроводительное письмо графу Тёррингу от 5 апреля 1742 г. было составлено так, как будто о присылке грамоты императрицу не уведомили, хотя содержание документа ее, безусловно, порадовало бы, если бы форма оказалась приемлемой. Не акцентируя внимание на отсутствии в грамоте императорского титула, Черкасский заметил, что Елизавета Петровна готова принять лишь ту титулатуру, «которая с Ея достоинством сходствует, и как Ей, так и Ея императорским предкам, от других держав давана». Подробно канцлер остановился лишь на употреблении обращения «Светлость», низводящего императрицу до положения принцессы. Выразив уверенность, что Карл VII не мог намеренно поставить Елизавету Петровну «в толь затруднительное неравенство» с другими коронованными особами, Черкасский предположил, что император, вероятно, следовал в этом вопросе примеру своего предшественника Карла VI, обращавшегося к российским государям «Ваша Светлость». Посетовав на излишнее снисхождение царственных предшественников Елизаветы, канцлер давал понять, что российский двор больше не будет мириться со сложившейся практикой, но готов не придавать значения указанным недоразумениям в случае их устранения. В заключение письма говорилось, что императрица, принимая в делах Карла VII дружеское участие, готова приветствовать у себя его дипломатического представителя³⁶.

³² См. упоминание об этих указаниях в рескрипте Фридриха Августа II графу Шёнбергу от 1 мая 1745 г. // Там же. Оп. 1. 1745. Д. 4. Л. 37.

³³ Архив князя Воронцова. Т. 1. С. 111, 126–127.

³⁴ Там же. С. 218, 219.

³⁵ АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. 1742. Д. 1. Л. 2 (копия текста на латинском языке без начального и конечного протокола), 6–7 об. (перевод грамоты на русский язык с полным начальным и конечным протоколом).

³⁶ См. отпуск письма на русском и немецком языках // Там же. Оп. 1. 1742. Д. 6. Л. 7–8 об., 21–24.

У российского двора были определенные основания рассчитывать на перемену позиции императорского двора. В марте 1742 г. прусский посланник в Петербурге барон Аксель фон Мардефельд сообщил Черкасскому, что имперский вице-канцлер Иоганн Георг фон Кёнигсфельд (Königsfeld) пытается убедить Карла VII в том, чтобы предоставить российской государыне императорский титул, и отговаривает его выносить этот вопрос на обсуждение Коллегии курфюрстов, полагая, что император «может собственной властью Коллегии внушить о том указом»³⁷. Но аргументы вице-канцлера не подействовали.

31 мая (11 июня) 1742 г. в Москву, где после коронации находился двор, прибыла новая грамота от императора Карла VII, датированная по-прежнему 13 февраля 1742 г. В сопроводительном письме имперского вице-канцлера Кёнигсфельда от 15 мая 1742 г. отказ от прежнего этикета и предоставление Елизавете Петровне обращения «Величество» преподносятся как уступка (Willfahung, в Коллегии иностранных дел это слово перевели как снисхождение), которая, несомненно, будет воспринята как явный знак совершеннейшего почтения и дружбы императора и откроет новые перспективы в двусторонних отношениях, в том числе учреждение дипломатической миссии в России. Об отсутствии в грамоте императорского титула Елизаветы Петровны Кёнигсфельд не упомянул³⁸.

Российская сторона снисхождения не оценила, и новую грамоту постигла прежняя участь. Она была приложена нераспечатанной к письму канцлера Черкасского от 20 июня 1742 г. В нем говорилось, что официальное общение между дворами будет возможно только после признания императорского титула Елизаветы Петровны, причем в грамотах следовало использовать не сокращенный, а полный титул императрицы с указанием всех принадлежавших ей владений (каких — не уточнялось)³⁹.

Письмо Черкасского и грамота были отправлены из Москвы только три месяца спустя — 20 сентября (1 октября) 1742 г. — через резидента Гейнсона, который должен был вручить документы императорскому министру в Гамбурге. Чтобы избежать возможных вопросов о «несвежей» дате, Гейнсону предлагалось выбрать одну из двух отговорок: или что он по неизвестной причине только сейчас получил депеши по почте вместе с другими письмами от 28 июня; или что посланный из Петербурга в Дрезден курьер тяжело заболел в Гданьске и, не дожидаясь выздоровления, отправил документы почтой в Гамбург⁴⁰.

Истинная же причина задержки состояла в том, что российский двор ждал прибытия полномочного министра Карла VII барона Иосифа Марии Николауса Игнаца фон Нейгауза (Neuhaus), надеясь, вероятно, что в его кредитивной (верительной) грамоте будет наконец указан императорский титул. На пути в Москву Нейгауз под Новгородом встретился с покидавшим Россию французским посланником маркизом Жаком Иоахимом Тротти де ла Шетарди, участником недавнего переворота в Петербурге, который дал коллеге словесный портрет многим персонам при российском дворе и настоятельно рекомендовал императорскому министру вести все дела с канцлером Черкасским, а не с «интриганом» Бестужевым, тогда еще вице-канцлером⁴¹.

Нейгауз прибыл в Москву 7 (18) сентября 1742 г. Через два дня он через секретаря объявил Черкасскому о своем приезде и попросил о встрече как можно скорее. Секретаря заверили, что встреча состоится при первой возможности. 10 (21) сентября канцлер через своего человека поздравил Нейгауза с прибытием. Тот вновь выразил желание встретиться с Черкасским, добавив, что не собирается до этого времени общаться с другими иностранными министрами. 11 (22) сентября Нейгауза посетил неназванный сотрудник Коллегии иностранных дел «с пристойным комплементом» от имени канцлера и вице-канцлера и сообщил, что Елизавета Петровна уведомлена о его приезде. Министру также

³⁷ Архив князя Воронцова. Т. 1. С. 327.

³⁸ Оригинал и перевод письма // АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. 1742. Д. 6. Л. 34–37.

³⁹ Отпуск письма на русском и немецком языках // Там же. Л. 40–41 об., 44–46.

⁴⁰ Там же. Ф. 44. Оп. 1. 1742. Д. 4. Л. 132–133 об.

⁴¹ См. донесение Шетарди главе французской внешней политики маркизу де Амело от 11 сентября 1742 г. // Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 100. СПб., 1907. С. 363–364.

напомнили, что уже две грамоты (на самом деле пока только одна!) Карла VII отправлены обратно ввиду отсутствия надлежащей титулатуры, и потому хотели выяснить, содержится ли в привезенной верительной грамоте императорский титул. Нейгауз уклонился от ответа на поставленный вопрос и начал рассуждать, что, если бы от личной воли его государя зависело наделение императорским титулом, он несомненно сделал бы это в отношении «Ея Всероссийского Величества» ради установлении с ней искренней дружбы, но «римской цесарь императорского титула никому не дает и к коронованным главам не ко всем с величеством пишет», например к датскому и прусскому королям. В заключении этой краткой речи Нейгауз вновь попросил о встрече с Черкасским, чтобы вручить ему копию верительной грамоты, заметив, что в таких неофициальных визитах обычно не отказывают иностранцам, особенно посланникам столь высокой персоны⁴².

15 (27) сентября встреча состоялась, и копия верительной грамоты от 17 июля 1742 г. была передана российскому двору⁴³. Она была составлена точно так же, как вторая известительная грамота от 13 февраля, — с обращением «Величество», но без императорского титула; кроме того, в начальном и конечном протоколе у Карла VII была указана полная титулатура, а у Елизаветы Петровны сокращенная. Как говорилось выше, 20 сентября (1 октября) 1742 г. известительную грамоту с сопроводительным письмом Черкасского графу Кёнигсфельду от 20 июня отправили в Гамбург. 28 сентября (9 октября) секретарь Коллегии иностранных дел Петр Петрович Курбатов зачитал Нейгаузу официальное заявление российского двора. В нем еще раз были перечислены все упущения в тексте кредитивной грамоты, но они объяснялись тем, что при отъезде полномочного министра в Россию письмо Кёнигсфельду еще не дошло до адресата. При этом подчеркивалось, что титул Елизаветы Петровны является наследственным (héritédaire, в русском тексте объявления — «природным») и признается другими державами. Нейгауз, поблагодарив Курбатова за сообщение, попросил переписать французский текст, чтобы переслать его императору, на что получил согласие. На прощанье министр вынужден был констатировать, что от него в этом деле ничего не зависит⁴⁴.

7 (18) октября 1742 г. в циркулярном рескрипте, адресованном всем российским дипломатам за рубежом, Елизавета Петровна разъяснила свою позицию: «И Мы для того и сию (известительную. — М.П.) грамоту принять не могли, но оную назад отослать велели с вторичною декларациею, что Мы никакую грамоту кроме с надлежащею нам императорскою титулатурою принять ниже прежнюю венского двора в грамотах сюда употребленную этикету малейше в пример допустить не намерены». Императрица также выражала сожаление, что отсутствие надлежащей титулатуры в верительной грамоте стало препятствием для аккредитации Нейгауза при российском дворе, отметив, что против своей воли лишена «того удоволствования на аттенции его римско-цесарского величества соответствовать, коль великая в протчем наша склонность к тому и к засвидетельствованию его величеству нашего к персоне его высокопочитания ни есть»⁴⁵.

К осени 1742 г. положение дел на международной арене складывалось для Карла VII непросто. 31 мая (11 июня) Австрия и Пруссия заключили в Бреславле прелиминарный мирный договор, согласно которому Фридрих II получил Верхнюю и Нижнюю Силезию и графство Глац. 16 (27) июля условия договора были подтверждены в Берлине при посредничестве Великобритании. После выхода Пруссии из войны Австрия могла теперь сосредоточиться на борьбе с другими врагами — Францией, Испанией и Баварией в лице императора. И хотя летом 1742 г. австрийцы оставили большую часть Баварии, они продолжали удерживать Мюнхен, а к началу 1743 г. вытеснили французов из Богемии и вернули Прагу.

⁴² Записка о происхождении с новым цесарским министром Нейнгаузеном // АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. 1742. Д. 8. Л. 1—4 об.

⁴³ Там же. Л. 9.

⁴⁴ См. текст объявления на двух языках // Там же. Л. 6—8 об., 14—16 об.

⁴⁵ Там же. Ф. 44. Оп. 1. 1742. Д. 4. Л. 146—148 об.

Нам пока не известно, как развивались переговоры между Карлом VII и Елизаветой Петровной о признании российского императорского титула в октябре—декабре 1742 г. Возможно, они на какое-то время прерывались по объективным причинам, ведь при самом благоприятном раскладе письмо с курьером из Петербурга во Франкфурт шло дней 17, а по почте больше трех недель. Российский двор до конца года все еще находился в Москве. Также необходимо учитывать неизбежные задержки в курьерском и почтовом сообщении, вызванные военными действиями в Европе. Так или иначе следующий раунд переговоров, нашедший отражение в документах Коллегии иностранных дел, относится к январю—февралю 1743 г. Записка барона Нейгауза от 29 января 1743 г. (ст.ст.) является ответом на какое-то несохранившееся сообщение Коллегии иностранных дел, в котором право Елизаветы Петровны на титул обосновывалось так же, как когда Петр I провозглашал себя императором. В 1718 г. в архиве Посольского приказа была обнаружена грамота от 4 августа 1514 г. Максимилиана I (1508—1519 г.), в которой он именовал великого князя Московского Василия III (1505—1533 г.) императором и государем Всероссийским (Kaysar vnnnd herscher aller Rewssen) и предлагал ему условия возможного союза⁴⁶. По распоряжению Петра I грамота была опубликована с переводом на европейские языки.

Нейгауз выразил сомнение, что императорский титул в грамоте 1514 г. был употреблен в том смысле, как это требуется в 1743 г., ведь с тех пор ни один глава Священной Римской империи этого титула российским государям не давал. Поэтому Карл VII не может следовать примеру Максимилиана I. Кроме того, дипломат напомнил о безоговорочном первенстве «римских цесарей» «пред всеми другими потентатами», заметив, что российская государыня не может требовать от императора больше, чем ей предоставляют другие коронованные особы, прежде всего французский король, который ограничивается в переписке с ней обращением «Величество»⁴⁷.

23 февраля (6 марта) 1743 г. вице-канцлер Бестужев передал Нейгаузу подготовленный двумя днями ранее ответ, утвержденный Елизаветой Петровной. В нем выражалось ее удивление, что Карл VII следует в вопросе о признании титула примеру держав, находящихся в меньшинстве, и она сочла невозможным входить в разъяснение обстоятельств, по которым на какое-то время остановились переговоры с Францией о признании титула, и вообще сравнивать одно дело с другим. Императрица прямо заявила, что слишком долгие переговоры об «угодностях и учтивостях» (*complaisances und Gefälligkeiten*) перестают быть приятными, но в то же время заверяла, что никогда не требовала и не требует для себя ничего, что бы «к предосуждению» императора «касаться могло». Таким образом, речь шла о равенстве двух монархов, а не о приобретении больших прав российской стороной. Копия этой записки была отправлена в начале марта всем российским дипломатическим представителям⁴⁸.

Нам не удалось найти официальный ответ Нейгауза на эту записку. Возможно, переговоры были на время прерваны. В апреле 1743 г. после освобождения баварцами Мюнхена Карл VII на некоторое время вернулся в свою столицу, но уже в мае вновь вынужден был бежать во Франкфурт. Австрийцы повторно захватили Баварию, а Мария Терезия 1 (12) мая короновалась богемской короной. Однако Россия по-прежнему не вступала в войну на ее стороне. 16 (27) марта Елизавета Петровна заключила с Фридрихом II союзный договор о дружбе и взаимопомощи, главным образом в польских делах, согласно которому Пруссия не гарантировала России территории в Финляндии, присоединенные по Абоскому миру 1743 г. со Швецией, а Россия не гарантировала Пруссии захваченные у Австрии силезские земли⁴⁹.

В июле 1743 г. отношения Петербурга и Вены резко ухудшились из-за слухов об участии бывшего посла в России маркиза Антониотто Ботты Адорно в заговоре против

⁴⁶ URL: <https://rarity.rusarchives.ru/dokumenty/gramota-imperatora-svyashchennoy-rimskoy-imperii-maksimiliana-i-k-velikommu-knyazyu-moskovskomu> (дата обращения: 12.07.2022).

⁴⁷ АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. 1743. Д. 4. Л. 2—5 об.

⁴⁸ Текст записки на русском и немецком языках // Там же. Л. 6—7 об., 12—13.

⁴⁹ *Емелина М.А.* Российско-пруссский договор 1743 г. // Вопросы истории. 2018. № 11. С. 100—109.

Елизаветы Петровны в пользу Иоанна VI Антоновича. В заговоре обвинили представителей семьи Лопухиных и супругу старшего брата вице-канцлера А.Г. Бестужева. Из донесений барона Нейгауза, которые Коллегия иностранных дел начала перлюстрировать с августа 1743 г., известно, что именно следствие и подготовка к публичной экзекуции приостановили переговоры о титуле до середины сентября⁵⁰. Императрица также потребовала от Марии Терезии наказания для маркиза Ботты.

На этом фоне свои услуги в урегулировании разногласий между императорскими дворами предложил Фридрих II. Выйдя из войны с Австрией год назад, он тем не менее был заинтересован в поддержке антиавстрийской коалиции со стороны России и убеждал Карла VII пойти на уступки Елизавете Петровне: дать ей императорский титул, по крайней мере в письмах, исходящих из его личной канцелярии (*sa chancellerie domestique*), а затем пообещать приложить усилия, чтобы титул был со временем признан всей Священной Римской империей. Этот шаг, по мнению прусского короля, фактически отменившего церемониал при своем дворе, являлся сущей мелочью по сравнению с перспективами, которые сулило установление регулярного общения между императором и российским двором, – получением военной помощи или субсидий в продолжавшейся войне⁵¹. Под влиянием аргументов Фридриха II позиция Карла VII начала меняться. Он отправил в Петербург барону Нейгаузу особые полномочия, в которых были проработаны разные варианты развития событий и содержались возможные уступки. Содействие переговорам по приказу прусского короля начал оказывать и его посланник в Петербурге Мардефельд⁵².

9 (20) октября 1743 г. на очередной встрече (или на языке эпохи – конференции) с российскими министрами – вице-канцлером Бестужевым и членом Коллегии иностранных дел тайным советником Карлом фон Бреверном – Нейгауз объявил, что признание титула зависит не только от воли императора, но и от имперских штатов, без которых он «ничего учинить не в состоянии». Поэтому, рассчитывая на понимание Елизаветы Петровны, Карл VII выразил готовность «впредь чрез своих министров здесь и везде при всех случаях словесно и письменно императорской Ея Величества титул употреблять», надеясь, что она воспримет это как знак дружбы и высокопочитания. Бестужев и Бреверн выразили удивление, что имперские чины могут не поддержать императора в этом деле, если сам он желает сделать такое «приятное угодение» Елизавете Петровне, и попросили искать другие пути для решения вопроса, поскольку она от своих требований не отступит⁵³.

Пользуясь полученными инструкциями, Нейгауз предложил новый вариант, похожий на тот, что придумал Фридрих II. Карл VII готов употребить императорский титул в грамоте, исходящей из его Придворной канцелярии (*Hofkanzlei*), но с условием, чтобы была принята еще и первая верительная грамота без титула, подготовленная в Имперской канцелярии (*Reichskanzlei*)⁵⁴, и на эту грамоту был дан ответ, хотя такой вид документов ответа не предполагал. Карл VII хотел получить и так называемый реверсал (или реверс⁵⁵) – документ, выдаваемый еще со времен Петра I иностранным монархам в качестве заверения, что признание ими императорского титула не повлечет за собой изменений в церемониале,

⁵⁰ См. расшифрованную копию на французском языке реляции Нейгауза Карлу VII от 30 июля (10 августа) 1743 г. и ее перевод // АВПРИ. Ф. 6. Секретнейшие дела (Перлюстрации). Оп. 1. Д. 15. Л. 1–4, 38–42 об.

⁵¹ См. об этом в письмах Фридриха II барону Мардефельду от 30 августа 1743 г. и командующему баварской армией имперскому графу Ф.Г. фон Зекендорфу от 17 сентября 1743 г. // *Politische Correspondenz...* Bd. 2. S. 412, 422.

⁵² Переводы реляций Нейгауза от 24 сентября (5 октября) и 1 (12) октября 1743 г. // АВПРИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 15. Л. 56 об.–62 об., 63–67 об.

⁵³ Записка о конференции барона Нейгауза от 9 октября 1743 г., составленная в Коллегии иностранных дел // Там же. Ф. 32. Оп. 1. 1742. Д. 8. Л. 17–19 (в этом деле хранятся документы и за 1743 г.).

⁵⁴ Полное название – Имперская придворная канцелярия (*Reichshofkanzlei*), находилась в ведении курфюрста Майнца как эрцканцлера империи.

⁵⁵ В рассматриваемых в статье документах употребляется термин «реверс», но в более позднюю эпоху и в научной литературе закрепился термин «реверсал», который я и буду использовать.

выступавшем в качестве средства символического общения монархов и их дипломатических представителей. В этом реверсале Карл VII просил указать, что титул, употребленный им в грамоте из Придворной канцелярии, не даст повод к каким-либо предосудительным последствиям для него как главы Священной Римской империи. Нейгауз еще раз подчеркнул, что у его государя нет ни полномочий, ни возможности дать грамоту с титулом, подготовленную в Имперской канцелярии, особенно когда «нынешние конъюнктуры и замешательства такое дело имперским чином для склонения их на то предлагать не дозволяют». При этом дипломат дал понять, что его государь впредь «чинимое о титуле с здешней стороны домогательство своими добрыми официями по возможности подкреплять не несклонен будет», но заметил, что это последняя уступка, на которую императорский двор готов пойти. Когда Бестужев и Бреверн указали Нейгаузу на «несходство» (т.е. недопустимость) принятия двух противоречащих друг другу грамот, тот сказал, что при желании легко можно будет придумать причину, по которой это было сделано. Кроме того, министр попросил, чтобы в случае одобрения указанных предложений ему предварительно показали титулатуру Карла VII из текста будущей ответной грамоты Елизаветы Петровны⁵⁶. Нейгауз этого тогда не произнес, но император по-прежнему претендовал на титул короля Богемии, хотя к этому времени Мария Терезия уже короновалась короной Св. Вацлава в Праге.

13 (24) октября 1743 г. Елизавета Петровна на встрече с Бестужевым отклонила предложение Нейгауза о принятии двух грамот, согласившись только на одну – из Придворной (личной) канцелярии императора, но с титулом. Одновременно российскому посланнику в Париже князю Антиоху Дмитриевичу Кантемиру было предписано добиваться от короля Людовика XV (1710–1774) получения «приватной кабинетной грамоты» с императорским титулом⁵⁷. Нотой от 18 октября 1743 г. Нейгауз был проинформирован, что Елизавета Петровна ценит усилия Карла VII и готова понять причины, по которым он не считает целесообразным в настоящее время выносить этот вопрос на обсуждение имперских штатов и заручаться их согласием. Однако принятие сразу двух грамот – с титулом из Придворной канцелярии и без титула из Имперской – неизбежно создало бы противоречие между императором Карлом VII и курфюрстом Баварии Карлом Альбрехтом и послужило бы умалению статуса Елизаветы Петровны, позволившей себе принять от императора меньше, чем ей предоставляет курфюрст. Кроме того, российский двор вынужден был бы отложить выдачу реверсала до тех пор, пока императрица не получит признание своего титула через Имперскую канцелярию. Таким образом, Елизавета Петровна предлагала направить ей грамоту с титулом из Придворной канцелярии Карла VII и предоставить ему реверсал, рассчитывая, что в дальнейшем он приложит действенные усилия к получению ею аналогичной грамоты из Имперской канцелярии⁵⁸.

Переслав ноту российского двора во Франкфурт и получив резолюцию императора, 14 (25) декабря 1743 г. Нейгауз приехал в дом Бестужева и объявил о ее содержании в присутствии Бреверна. Карл VII соглашался признать императорский титул Елизаветы Петровны и «оной не токмо чрез него барона Нейгауза своего министра, но и чрез грамоту из Надворной своей канцелярии давать, обнадлежа, что о таком же впредь и от стороны Римской империи воспоследуем признании свои пристойные официи и старании по возможности употреблять не преминет». На одновременном принятии грамоты, не содержащей императорского титула, он более не настаивал. В ответ император ожидал реверсал, подготовленный на основе деклараций, данных прежде другим державам. В нем следовало указать, что «такой с стороны Его Римско-Императорского величества благосклонной поступок за единую учтивость и снисходительство признан быть и из того ни Римской империи, ниже высочайшему Его Римско-Императорского величества

⁵⁶ АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. 1742. Д. 8. Л. 19 об.–21.

⁵⁷ См. дневник докладов Коллегии иностранных дел за ноябрь 1742 – декабрь 1743 г. // Архив князя Воронцова. Т. 4. М., 1872. С. 334.

⁵⁸ АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. 1743. Д. 4. Л. 26–29 (черновик ноты на немецком языке с трудно читаемой правкой, вероятно, Бреверна).

достоинству малейшее предосуждение никогда не происходит имеет»⁵⁹. Решаясь на этот шаг, Карл VII рассчитывал на получение ответного «снисхождения» — предоставления ему в официальных документах титулов короля Богемии и эрцгерцога Австрии. Нейгауз привел в пользу этого права ряд «резонов и доказательств»⁶⁰.

Во-первых, поскольку император имел «старые права» на Австрию и Богемию (читай — считал себя законным наследником Карла VI), а штаты и подданные этих земель принесли ему присягу, то потеря части этих земель вовсе не отменила прав и претензий, давно уже публично заявленных, и, следовательно, указанные титулы никем не могут быть оспорены. Во-вторых, они признаются многими державами, даже теми, кто состоит в дружбе с королевой Венгрии Марией Терезией. Среди них первые штаты империи — прусский король (курфюрст Бранденбурга) и польский король (курфюрст Саксонии), а также короли Франции, Испании, Сицилии. Правда, о позиции королей Швеции, Дании, Великобритании и правительства Республики Соединенных провинций Нейгауз не знал, но считал, что можно выяснить ее у находившихся в Петербурге дипломатов этих дворов. В-третьих, Мария Терезия никаких протестов державам, признававшим титулы Карла VII, не заявляла и потому не будет раздосадована, если Елизавета Петровна ее в этом вопросе не поддержит. Впрочем, рассуждал Нейгауз, довольно имеется примеров, когда две державы употребляют один титул: например английский король носит титул короля Франции и получает его от всех держав без возражений французского двора⁶¹. Карл VII обещал не оспаривать отдельные части российского императорского титула, которые сохранились и в титуле польских королей⁶². Наконец, российский двор просто обязан был оказать императору «такую маловажную учтивость» в ответ на немислимый для его предшественников поступок, ибо «признание нового и втораго в христианстве Императорского достоинства всем старым в Римской империи уставам противно»⁶³.

Бестужев и Бреверн по обыкновению поблагодарили Нейгауза за приложенные усилия, пообещав ему передать Елизавете Петровне «все снисходительные сентименты» Карла VII и в скором времени ответить на высказанные предложения. В частном порядке министры отметили, что признание за императором титула «короля Богемского и архидука Аустриского» следует отложить до заключения мира между ним и Марией Терезией. Они сочли «весьма необыкновенным донныне в свете делом», чтобы без соглашения о спорных владениях между воюющими державами требовать признания титулов за одной из них от третьей стороны, не участвующей в этом споре, и считать такое признание «простой и безвинной учтивостью» по отношению к императору российский двор не может. Что касается признания титулов со стороны некоторых держав, то среди них были перечислены в основном те, кто помогал императору завоевать Богемию. И хотя польский и прусский короли помирились с венгерской королевой, для них как курфюрстов и имперских чинов было бы неприлично отозвать это признание. О позиции Швеции, Дании и Республики Соединенных провинций в Петербурге было неизвестно, но король Великобритании Карлу VII титулов короля Богемии и эрцгерцога Австрии не дает.

По словам Бестужева и Бреверна, российский двор не собирался оспаривать «старые права и претензии» императора на Богемию и Австрию, тем более вступать в исследование этих прав. Но поскольку им известно, что Карл VII принимает грамоты и без титулов, он не может расценивать отказ Елизаветы Петровны признать их до окончания войны с Марией Терезией как «нарочную несклонность» российского двора. Министрам явно

⁵⁹ Там же. Оп. 1. 1742. Д. 8. Л. 23 об.—24 об.

⁶⁰ Там же. Л. 25—27 об.

⁶¹ Несмотря на потерю владений на Европейском континенте в результате Столетней войны, короли Англии сохраняли за собой титул королей Франции до 1800 г.

⁶² Польские короли вплоть до потери своей державы в результате трех разделов в XVIII в. носили титул великого князя Смоленского и Черниговского, хотя по Вечному миру 1686 г. Речь Посполитая признала за Россией Смоленскую и Чернигово-Северскую земли.

⁶³ АВПРИ. Ф. 32. Оп.1. 1742. Д. 8. Л. 25 об.—28.

не пришлось по вкусу рассуждения Нейгауза о том, что будет или не будет приятно венгерской королеве. Вопрос состоял в том, что «справедливо, пристойно и обыкновенно есть» в таких тонких делах. Поэтому императрица не может позволить себе отнимать титулы у одного государя и давать их другому независимо от своего отношения к каждому из них, так как этот «необыкновенный поступок» был бы «неминуемо подвержен у всего света разным толкованиям».

Соглашаясь, что примеры употребления двумя державами одного титула действительно имеются (английский король именуется французским; император Карл VI, провозгласивший себя королем Испании в 1703 г., до конца своих дней считал себя таковым, даже после воцарения в Мадриде династии Бурбонов в 1714 г.; потерявший в 1734 г. польский престол Станислав Лещинский продолжает именоваться польским королем), Бестужев и Бреверн отметили, что «употребление оных титулов всегда чрез взаимные между заинтересованными сторонами соглашения надлежащим порядком подтверждено было». Так, прусский король не требовал от других держав титула герцога Силезии, пока не заключил мир с венгерской королевой; у России также есть соглашение с польским королем о российских владениях и о титуле. Поэтому, заключали российские министры, «предъявленные примеры наипаче сие доказывают, что и в нынешнем случае весьма приличнее и с всегдашними обыкновениями сходнее было б, ежели требование о частопомянута спорном титуле до окончания оного спора отложено будет». В конце беседы российские министры еще раз заявили Нейгаузу, что императорский титул бесспорно принадлежит Елизавете Петровне и она не будет ни от кого принимать ненадлежащую титулатуру. Уставы же Священной Римской империи не могут служить для нее правилом, «ибо всякому делу когда-нибудь начало быть имеет»⁶⁴.

Таким образом, все аргументы Нейгауза, несмотря на его протесты, были последовательно отклонены, но, судя по сохранившимся в архиве Коллегии иностранных дел черновикам, эта безупречно выстроенная аргументация была подготовлена еще на предыдущем этапе переговоров — она местами дословно, только в сокращенном виде, воспроизводится в записке от 18 октября 1743 г., на основе которой Коллегия два месяца спустя дала официальный ответ на представления имперского дипломата⁶⁵. Примечательно, что записка была составлена через несколько дней после перлюстрации донесения Нейгауза Карлу VII от 11 (22) октября. В нем министр сообщал, что пытался осторожно прозондировать почву у Бреверна по вопросу о титулах короля Богемии и эрцгерцога Австрии, и пришел к выводу, что российский двор в общении с императором не будет их использовать⁶⁶.

И все-таки у Нейгауза был шанс получить согласие Елизаветы Петровны по этому вопросу. Его поддержали лейб-медик императрицы Иоганн Лесток и обер-гофмаршал великокняжеского двора голштинец Отто Фридрих фон Брюммер, высказавшие мнение, что признанием за императором титулов короля Богемии и эрцгерцога Австрии можно будет досадить венскому двору, так и не наказавшему маркиза Ботту. Но Бестужев из перлюстрированной переписки Нейгауза уже знал, что дипломат получил инструкции отказаться при необходимости и от этого требования, поэтому вице-канцлер с легкостью убедил Елизавету Петровну не ухудшать и без того сложные отношения с Марией Терезией, тем более что идти на уступки Карлу VII не имело смысла.

Получив на конференции 19 (30) декабря соответствующий ответ императрицы, Нейгауз не смог скрыть от Бестужева и Бреверна своего разочарования тем, что на столь большую уступку императора не было дано ни малейшей «взаимной угодности». Но еще более обидно было то, что в ходе разговора он понял, что его корреспонденция перлюстрируется и министры Елизаветы Петровны уже знают о том, что он имеет указание от Карла VII в случае затруднения с признанием за ним титулов короля Богемии и эрцгерцога Австрии использовать в переписке с российским двором только сокращенную титулатуру⁶⁷, «а имянно Пре-

⁶⁴ Там же. Л. 28–33 об.

⁶⁵ Там же. Оп. 1. 1743. Д. 4. Л. 18–21 об. (русский перевод), 30–33 (немецкий оригинал).

⁶⁶ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 15. Л. 86–86 об.

⁶⁷ Перевод реляции Нейгауза от 20 (31) декабря 1743 г. // Там же. Л. 252–253 об.

светлейшему и Державнейшему Князю и Государю Каролу Седьмому, Божию милостию избранному Римскому императору всегда прибавителю и протчая, и протчая, и протчая, другу и брату нашему любезнейшему (*Serenissimo & Potentissimo Principi et Domino Carolo Septimo divina favente Clementia Electo Romanorum Imperatori Semper Augusto &&& Amico & Frati nostro Charissimo*), а напротив того он к Ея Императорскому Величеству писать будет таким же сокращенным образом: Пресветлейшей и Державнейшей Княгине и Государыне Елисавете Первой, Божиею милостию Всея России императрице и самодержице, и протчая, и протчая, и протчая, приятельнице и сестре нашей любезнейшей (*Serenissimae & Potentissimae Principi & Domine Elisabethae Primae, divina favente Clementia Totius Russiae Imperatrici, et Autocratrici, &&& Amicae & Sorori Nostrae Carissimae*)». По завершении войны Карл VII рассчитывал на закрепление полной титулатуры и обещал ходатайствовать о признании императорского титула Елизаветы Петровны всеми штатами Священной Римской империи⁶⁸.

23 декабря 1743 г. (3 января 1744 г.) Елизавета Петровна согласилась на предложение Нейгауза употреблять в переписке с Карлом VII только сокращенную титулатуру и выслушала проект реверсала⁶⁹. В нем говорилось, что признание российского императорского титула не нанесет никакого ущерба или вреда ни императору, ни Священной Римской империи и не повлечет за собой изменений в церемониале⁷⁰. В первоначальном проекте реверсала от 20 декабря содержался пассаж, что Карл VII при первой возможности сделает все, что от него зависит, чтобы императорский титул Елизаветы Петровны был признан грамотой из Имперской канцелярии, т.е. от имени всех штатов империи. 26 декабря 1743 г. (6 января 1744 г.) Нейгауз вернул российской стороне переданный ему на утверждение текст и попросил убрать этот пассаж, на что получил согласие⁷¹. Оригинал реверсала за подписью вице-канцлера Бестужева дипломату вручили 3 (14) января.

Только 4 (15) января 1744 г. Нейгауз наконец удостоился первой аудиенции Елизаветы Петровны и вручил ей свою кредитивную грамоту. В отличие от первой грамоты без императорского титула, датированной 17 июля 1742 г., эта по неизвестной причине была датирована 7 июня 1742 г. и, согласно взаимной договоренности, составлена «в меньшей форме» (*littera in forma minori*), т.е. с указанием кратких титулов обоих монархов⁷². В своей речи на немецком языке полномочный министр Карла VII уверял императрицу в чувствах истинной дружбы, которые к ней питает его государь⁷³. В ответ вице-канцлер Бестужев от имени Елизаветы Петровны выразил ее искреннее желание «к общей пользе обоих имперей не токмо в добром согласии пребывать, но и оное вяще и вяще наблюдать и утверждать»⁷⁴. Однако в последующие месяцы никаких подвижек в двусторонних отношениях не произошло — Россия так и не присоединилась к антиавстрийской коалиции.

3 (14) августа 1744 г. на официальной встрече с Бестужевым Нейгауз выразил удивление, что на грамоту Карла VII до сих пор не дано никакого ответа. Канцлер заметил на это, что в Петербурге хранится только одна грамота императора — кредитив самого Нейгауза, а на такие грамоты отвечать не «в обыкновении было». Тогда дипломат выразил свое личное мнение, что Елизавете Петровне следует поскорее направить министра к императорскому двору. Бестужев заверил его, что это будет сделано, «как скоро токмо способный к тому субъект найдется»⁷⁵. О том, что «субъект» действительно нашелся, Нейгаузу тогда не объявили, но из документов Коллегии иностранных дел известно, что еще

⁶⁸ Там же. Ф. 32. Оп. 1. 1743. Д. 4. Л. 22–25 об. (запись конференции с Нейгаузом с фиксацией русского варианта титулов), 41 (латинский вариант титулов).

⁶⁹ Архив князя Воронцова. Т. 4. С. 364.

⁷⁰ Реверсал на немецком и русском языках // АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. 1743. Д. 4. Л. 34–34 об., 38–39.

⁷¹ Там же. Л. 35–36.

⁷² Копия грамоты на латинском языке и ее перевод // Там же. Л. 40, 43–44.

⁷³ Текст речи на русском и немецком языках // Там же. Оп. 1. 1744. Д. 5. Л. 9–10 об.

⁷⁴ Ответ Елизаветы Петровны на русском и немецком языках // Там же. Л. 11.

⁷⁵ Там же. Л. 23–24.

27 июля (7 августа) 1744 г. полномочным министром к императорскому двору, который в октябре вернулся в Мюнхен, был назначен тайный советник граф Герман Карл фон Кейзерлинг, представлявший интересы России при польско-саксонском дворе⁷⁶. Нам еще предстоит выяснить, каким образом Елизавета Петровна и руководство Коллегии иностранных дел предполагали добиваться от Карла VII выполнения не зафиксированного документально обещания хлопотать о признании российского императорского титула всеми штатами Священной Римской империи и действительно ли император собирался выступать в роли ходатая. 9 (20) января 1745 г. он скоропостижно скончался, еще до того как полномочный министр Елизаветы Петровны граф Кейзерлинг успел выехать к новому месту службы в Мюнхен. Однако именно ему удалось окончательно решить эту проблему в 1745–1746 гг. в ходе очередных выборов императора⁷⁷.

Библиография

Анисимов М.Ю. Россия в системе великих держав в царствование Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.). М., 2020.

Емелина М.А. Российско-прусский договор 1743 г. // Вопросы истории. 2018. № 11. С. 100–109.

Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу: императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740–1750. М., 2000.

Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010.

Петрова М.А. Герман Карл фон Кейзерлинг и признание императорского титула российских государей Священной Римской империей германской нации в 1745–1746 гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14 (6). С. 89–109.

Croxton D. Westphalia: the Last Christian Peace. New York, 2013.

Satow E. A Guide to Diplomatic Practice. London, 1922.

Steppan Ch. Akteure am fremden Hof: Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandte im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730). Göttingen, 2016.

References

Anisimov M.Yu. Rossiya v sisteme velikih derzhav v carstvovanie Elizavety Petrovny (1741–1761 gg.) [Russia in the system of Great Powers in the reign of Elizabeth Petrovna (1741–1761)]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Emelina M.A. Rossijsko-prusskij dogovor 1743 g. [Russo-Prussian Treaty of 1743] // Voprosy istorii [Questions of history]. 2018. № 11. S. 100–109. (In Russ.)

Liechtenhan F.-D. Rossiya vhodit v Evropu: Imperatrica Elizaveta Petrovna i vojna za Avstrijskoe nasledstvo, 1740–1750 [Russia enters Europe: Empress Elisabeth Petrovna and the War of Austrian Succession, 1740–1750]. Moskva, 2000. (In Russ.)

Nelipovich S.G. Soyuz dvuglavykh orlov: russko-avstrijskij voennyj al'yans vtoroj chetverti XVIII v. [Union of double-headed Eagles: Russian-Austrian military alliance of the second quarter of the 18th century]. Moskva, 2010. (In Russ.)

Petrova M.A. German Karl fon Keizerling i priznanie imperatorskogo titula rossijskih gosudarej Svyashchennoj Rimskoj imperiej germanskoj nacii v 1745–1746 gg. [Hermann Karl von Keyserlingk and the recognition of the imperial title of Russian sovereigns by the Holy Roman Empire of the German Nation in 1745–1746] // Vestnik MGIMO-Universiteta [Bulletin Moscow State Institute of International Relations]. 2021. № 14 (6). S. 89–109. (In Russ.)

Croxton D. Westphalia: the Last Christian Peace. New York, 2013.

Satow E. A Guide to Diplomatic Practice. London, 1922.

Steppan Ch. Akteure am fremden Hof: Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandte im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730). Göttingen, 2016.

⁷⁶ Отпуск кредитивной грамоты на русском языке и ее перевод на латинский язык // Там же. Оп. 1. 1744. Д. 1. Л. 3–5, 6–6 об.

⁷⁷ См. об этом: *Петрова М.А.* Герман Карл фон Кейзерлинг и признание императорского титула российских государей Священной Римской империей германской нации в 1745–1746 гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14 (6). С. 89–109.